

Военная феерия

Юрген Байконур

Братья и Сестры

1

Выгоревшее небо лишь отдавало синевой. Солнце слепило нещадно, словно хотело отыгаться за нарушенный утренний покой, не разбирая, кто прав, кто виноват, кто сочувствующий, кто победитель или побеждённый. Пора бы зайти за скалу и подарить тень горячей земле. Но время замерло. Или события развивались быстро. От камня поднимался и растекался по горной дороге густой горячий воздух. Недалеко — поворот, и трудно было понять, то ли дорога уходит ввысь, то ли обрывается в пропасть. Колонна догорала. Кое-где ещё вился дымок, пахло жжёным металлом, горелой резиной, разбросанная, погромсанная, горелая техника густыми и однозначными мазками набросала картину недавнего ада.

Две пары ног в армейских ботинках передвигались уверенно, изредка задерживаясь возле очередного трупа, разбитых ящиков, лишившихся своего содержимого, папок с документами, разбросанных пусковых катушек, ремонтной техники из машины технического обеспечения. Тишина. И потому приглушённые голоса различимы, фразы отчётливы.

— Досталось ребятам. Не дай Бог...

— Не поминай имя всуе. По сторонам смотри. И под ноги.

— Смотрю. И смотреть не хочется.

— Напорешься — тогда точно ничего не захочется. Что со штабной машиной?

— Разнесло. Всё сгорело. Ничего.

— Ничего? Точно?

— Точнее не бывает.

2

Больничная одежда стала привычной, тапочки не по размеру уже не смущали. Новый мирок стал привычным и даже близким. Игорь шёл по коридору хирургического отделения, держась ближе к стене. Самочувствие паршивое, яркий свет из окна — как враг. Навстречу двигал каталку худощавый высокий санитар. Молод, с резко обозначенными чертами лица. Беспристрастный взгляд исключил Игоря из обозримой части бытия и лишь иногда останавливался на действительно заслуживающем внимания объекте — недвижимом парне, прикрытом по груд простынёй. Лицо бледное, глаза закрыты, левая рука лежит поверх савана, на ней закреплена игла и трубка от капельницы. Последнее обнадёживало.

Рядом шла Света, медсестра, придерживала пакет с плазмой, соединённый с капельницей. Игорь посмотрел на неё. Радость, надежда, ожидание, обида... Что там ещё может быть во взгляде? Всё сразу.

Света ловит посыл, смотрит кокетливо, демонстративно развязно показывает язык, быстро отворачивается. Санитар заметил, качнул головой, еле заметно вздохнул, глянул на медсестру с укоризной. Затем — на Игоря, с сожалением. «Дойдут до конца коридора, повернут и — всё...» — подумал Игорь. Света, не оборачиваясь, подняла правую руку и изобразила пальцами «викторию». Жизнь продолжалась, и коридор уже не казался тупиком.

Игорь старался ступать твёрже и уверенней, получалось плохо. Вот и лестница. Остановился, вытер рукавом пот со лба. Оглянулся — коридор пуст. Подошёл к окну. На подоконнике — горшки с цветами. Что там вдали? Ничего нового. Хорошо виден забор. А дальше и выше — ничего, только

небо. А что там могло бы быть? Игорь всматривается, напрягает глаза, щурится. Волна подошла медленно, но уверенно, навалилась, захватила. ...Опять шум, опять сумерки. Упал занавес. Или поднялся? Улица небольшого города. Дома, магазины, витрины, легковушки, пуста автобусная остановка. Прохожие — одинаковые и... неподвижные. Большой фонтан. Возле него стоит девочка лет пяти, ест мороженое. Смакует брикет, замирает, смотрит, задумывается и протягивает лакомство Игорю. Шевелит губами. Что она говорит? Надо бы оглянуться — может, кто-то и слышит, и понимает адресованные ему слова? Нет ни сил, ни желания смотреть назад.

И надо бы подойти, что-то сказать ребёнку, может, мороженое это взять, поддержать в руке и с чистой улыбкой и доброй, воспринимаемой в детском мире шуткой вернуть... Опять этот верный до назойливости спутник: сзади подходит большой черный, словно выкрашенный мокрой сажей, пес и садится возле правой ноги. Замирает и смотри далеко вперед, не мигая, и не понятно: охраняет? провожает? просто за компанию? Девочка его не боится, и возможно, даже не видит. Картина дрогнула, покривилась, распалась на большие осколки... На этот раз экскурс оказался недолгим...

Окно, цветы в горшках... Пробирает рукой землю. Набирает пригоршню и медленно высыпает — сухой песок. Смотрит на скользящую между пальцами струйку. Удивлённо по-детски качает головой. «Не может такого быть». Переходит к следующему окну. На подоконнике такие же цветы. Запустил пальцы — влажная липкая земля. Смотрит на испачканную руку. Удовлетворённо качает головой.

«Что-то не так. Но это не так важно». Важнее другое. Ещё не так давно, а может, совсем недавно он шёл слабый и потный, страхуясь левой рукой о стену, придерживая свободной рукой правый бок. Карман больничной куртки топорщился. Навстречу выплыла пожилая санитарка. Остановилась, посмотрела на бедолагу:

— Из офицерской? Почему один?

Игорь молчит.

— Помочь?

«Неплохо бы, конечно...», но отрицательно мотнул головой.

Усталая женщина на мгновение замерла в нерешительности, подчеркнула глазами сомнение, не стала больше докучать вопросами и продолжила свой путь. Игорь с опаской оглянулся, проводил белый халат затравленным взглядом. Ещё несколько шагов, и вот цель — туалет.

Жарко. Опять пот. Ну, и благоухание, конечно. Минул помещение с умывальниками и зашёл в действующую часть. Выбрал дальнюю кабинку. Ноги слушаются, но бок, спина... Развернулся, неуверенно пристроил ноги. Достал из кармана полотенце, продел его через дверную ручку. «Полотенце выдержит, но вот ручка...» Взялся правой рукой за сдвоенное полотенце, попытался присесть. Не получилось — в правом боку горячий лом. Сменил руку, зафиксировал бок. Вытер пот о левое плечо — ну, вперёд...

3

Опять коридор, опять стена. Из левого кармана торчит полотенце. «Пусть смеётся тот, кто...» Игорь не смог обрисовать образ этого «кто», но был удовлетворён своей маленькой победой. Пот — ручьями. Расстегнул куртку, как смог поправил майку. И вот встреча. «Откуда она взялась на мою голову?» Она — это Света. Игриво, насмешливо смотрит. Бросает взгляд на

полотенце. «Как неловко, как мерзко быть беспомощным». Не прошла, остановилась:

— Товарищ командир, находчивый ты наш. Дополз?

Что тут скажешь... Света приблизилась, не спрашивая, достала из кармана спасительное полотенце, вытерла несчастному лицо, придерживая правой рукой за спину.

— Вот теперь красавец! — сделала ударение на последнем слог. — Тебя как звать?

— Игорь

— А меня Светлана. Светланка, Светка, Светик—самоцветик.

— Я знаю.

— Как уж не знать... Но всё равно познакомились. Теперь мы дружбаны.

Игорь и Света теперь дружбаны. Лады?

Света явно дурачилась. Игорь растерялся, но обиды, раздражения не было.

— Лады. Мне больше нравится Света.

— Можешь меня так и называть, мой рыцарь.

Девушка ещё раз вытерла больному лицо полотенцем, положила его на место:

— Обними меня.

Игорь слегка опешил, неловко попытался обнять медсестру обеими руками.

Девушка рассмеялась, отстранила руки:

— Не так. Рано ещё так. Давай я тебе помогу.

Осторожно, но уверенно завела левую руку вконец растерявшегося Игоря себе на плечи и повлекла, придерживая правой рукой за спину. И как ребёнку:

— Топ-топ, топ-топ. Швы у нас надёжные, нервы у нас железные, надежды у нас незлые. Доползём.

Игорь потерял правый тапок, изловчился, поймал его ногой.

«Так давно это было или совсем недавно?»

4

Игорь не без труда преодолел всё пролёты, и вот она желанная — желанная ли? — площадка. Вход в отделение отгорожен большой металлической решёткой, запертой изнутри на амбарный замок. «Как я его раньше не заметил?» В углу возле решётки стоял молодой мужчина в больничной одежде — пациент, левая рука на перевязи, кисти нет, предплечье забинтовано.

Незнакомец недовольно поморщился, посмотрел на Игоря, тихо сказал, не встречаясь взглядом:

— Никого. Что там у них? — вопрос был скорее риторический.

— Может, обход. Может, проверка, — Игорь посчитал корректным ответить.

— Проверка, проверка. Кого поверять? Здесь не убежишь. Система — ниппель.

— Порядок такой, — поддержал диалог Игорь

Больной явно нервничал, изобразил то ли недовольство, то ли протест фигурным поворотом головы, побарабанил пальцами по решётке:

— Ещё б табличку повесили...

— Какую? Здесь и так всё ясно, — без особого желания продолжил Игорь

— «Осторожно: злая собака», — с досадой разъяснил собеседник.

— Уж лучше «Осторожно: злая судьба», — такой был предложен альтернативный вариант.

Раздражённый пациент госпиталя задумался, ответил понимающим и даже уважительным взглядом.

Деревянная дверь открылась, вышел здоровенный санитар в наброшенном поверх солдатской формы белом халате. К визитам он привык, содержание общения нетрудно было предсказать. Судя по поведению, он знал пациента с ампутированной кистью:

— Ну? Тут начальство понаехало. Отбирают. Переполох с утра. Чуть завтрак не сорвали.

— Куда отбирают? — спросил посетитель.

— Не могу знать. По-моему безнадёжных.

— А что есть надёжные? — спросил Игорь

Санитар глянул на него с недоумением, промолчал.

— И куда безнадёжных? — подключился собеседник Игоря.

Санитар пожал плечами:

— Начальству виднее. Здесь госпиталь. А есть, наверное, специальные больницы. Здесь подлечили, а там уж всерьёз возьмутся.

Пациент, рефлексивно дёрнув левой рукой, достал правой из кармана четыре пачки примы и протянул солдату:

— Для Лехи.

— Знаю, — молодецкато ответил санитар

Посетитель достал из кармана ещё одну пачку и протянул дежурному.

Тот отрицательно мотнул головой:

— Могу взять. Для Лехи.

Пациент согласно кивнул. Солдат взял сигареты и вопросительно посмотрел на Игоря.

— Мне Кир нужен, — вступил в разговор Игорь.

— Кир?

— Кирилл Суханов. Старлей. Его, вроде, позавчера к вам...

— Есть такой. Это который из хирургии?

— Он самый. И ожоги.

— Плюс пальцы, ухо, контуха... — добавил санитар.

Игорь кивнул

— Он на уколах, да каликах-моргаликах. Но ходячий. Почти. У него как-то волнами: то нормально, то... Передать что? — санитар не скрывал сомнения. — Не знаю... Бесполезно это. Не получится. Он начнёт спрашивать, а я объяснить ничего не смогу.

— Что, так плохо?

— Здесь у всех плохо, — ответил санитар, покрутил пальцем у виска и добавил, с трудом выговаривая: — Неадекватность ярко выраженная.

— Мне б увидеть. Некоторых, вроде, выпускают. В сопровождении.

— Ох, зема. Не знаю. Нарушение это. Говорят, был случай — страшный...

— Случаи бывают всякие, — вкрадчиво и с улыбкой вставил Игорь

— Ну, если с сестрой поговорить только. С офицером, может, и выпустят — неуверенно выдавил из себя санитар. В его глазах нарисовался вопрос.

— Офицер. Старшой я, лейтенант, — слегка ёрничая, уточнил Игорь.

— Вы зайдите попозже. Уляжется... А я с Марией Терезой перетру. Лады?

— Лады, медбрат, лады, — вспомнив знакомство со Светой, ответил Игорь.

Санитар замялся в нерешительности.

— Ты его не обижай, — вырвалось у Игоря.

— Зря ты... Зря вы так. Я здесь тоже... — обида была явной.

— Извини, друг. Я просто хочу ему помочь, — сгладил ситуацию Игорь.

— Я тоже, — ответил твёрдо санитар и опять замялся в нерешительности. Выдержал паузу и обозначил финал беседы:
— Ну, бывайте.
— Бывай, зёма, — попрощался пациент.
— С Марией поговори. Хорошо? — напомнил Игорь.
— Обязательно, — заверил санитар и после паузы добавил: — Возле него ещё особист крутился.
— Работа у него такая.
Санитар удалился. Дверь закрылась.

5

Игорь направился к лестнице, проклиная слабость и головокружение. Вопрос стал неожиданным:

— Парашютист?
— Что-то вроде этого. А ты? — отреагировал, не оборачиваясь.
— Я без «вроде». Бог войны.
— Не повезло тебе. Трудно быть богом, — Игорь повернулся.
— Это вашу колонну? — неуверенно как бы на всякий случай спросил новый знакомый.
— Нашу! — ответ, видимо, был неожиданным.
— А кто вызвал? — машинально спросил артиллерист и быстро добавил: — Впрочем...

Игорь посмотрел на него твёрдо, слегка с вызовом:

— Какая теперь разница?..

Артиллерист явно чувствовал себя неловко, но что-то заставило его продолжить разговор:

— Наверное, уже никакой.

Игорь развернулся и стал спускаться по лестнице. Пациент задумчиво посмотрел ему в след, глянул на свою послеоперационную руку и предложил:

— Может, по сотке?

— Я по сотке не пью. А больше пока рано, — ответил Игорь.

Он миновал пролёт, площадку, тяжело вздохнул, обернулся и спокойно сказал:

«Я вызвал», — крепче взялся за перила и продолжил спуск.

Автор неудавшегося предложения скривился то ли от боли, то ли от сильного душевного укола, то ли от двух ударов вместе взятых, схватился здоровой рукой за решётку, вновь на рефлексе неудачно попытался пустить в дело больную руку, прижался головой к решётке, прикусил металлический прут. Он молчал. По щекам сползали слёзы.

6

Игорь спустился на первый этаж. «Мои коридоры...Какие-то они тупиковые, последние. Не бывает так». От лестничной площадки широкий коридор вёл к центральному входу, узкий — к служебному. «Выбираем узкий». Недалеко от выхода — обшарпанная дверь. Игорь остановился, задумался, открыл. «М-да... Теперь понятно — мертвецкая».

Комната — чуть меньше палаты, с маленькими окошками, освещение слабое. На полу лежали на медицинских носилках накрытые простынями четыре трупа. Игорь перевёл взгляд с одного на другого, подошёл и поочерёдно открыл и закрыл лица трёх покойников.

Посмотрел на четвёртого. Рука — поверх простыни, перебинтована на локте. На ней добротные красивые часы. «Сохранились — так и должно быть». Наклонился, открыл лицо. Молодой смуглый мужчина, усы, скорее всего, казах. Запахнул простыню, удручённо кивнул головой, вытер рукавом пот со лба и пошёл к выходу. «А часы идут».

Надо же — опять строгая сестра:

— Ты что, сынок, сюда нельзя.

— Я случайно. Дверь была открыта. «Как бы сбежать?»

Пожилая санитарка сокрушённо качает головой.

— Как же так, как же так, ведь нельзя... Ну, я ребятам скажу!

Внимательно смотрит на Игоря:

— Ты как? Не надо волноваться.

— Я больше не буду, — отвечает Игорь с доброй усмешкой и добавляет: — А можете мне помочь?

— Конечно! — но видно смущение.

— А город как называется? — простецки спрашивает Игорь

— Какой город?

— Ну, где мы находимся. Где госпиталь наш размещён.

Санитара мрачнеет и смотрит на назойливого больного с беспокойством:

— Да зачем тебе? Придёт время — сам узнаешь.

Игорь широко улыбается:

— Действительно, зачем? И здесь вопросов хватает.

Санитарка расслабилась, улыбнулась:

— И правильно. А сюда заходить не надо. Не положено. И вопросов много не положено.

Игорь согласно кивает. Санитарка стоит в нерешительности.

— Ну, я пойду. Прогуляюсь.

— Пойди, пойди, а то скоро жара.

Игорь неуклюже расшаркался, повернулся, двинулся к выходу. Санитарка быстро удалилась, издали послышался её голос: «Дежурный! Где дежурный? У кого ключи?» «Какие ключи?» — последовал безымянный ответ.

«Сам знаешь, какие! Оболтусы!»

7

Большая асфальтированная площадка, по краям деревья — тополь и карагач. Игорь шагает уверенно. Большие не по размеру больничные тапочки шлёпают по асфальту. Звон в ушах — дело привычное. Но сейчас — что-то не так. «Цикады? Неужели надо было оказаться... здесь, чтобы их услышать?» Останавливается, трясёт головой — не помогает. Слегка похлопал ладонью по правому уху — всё равно звенит. Хлопнул сильнее — прошло, тихо. «А вдруг оглох?»

«Молодцы ребята: хорошее место». В небольшой посадке среди деревьев расположилась компания из трёх человек — в больничных халатах, всё молоды, веселы. На редкой пожухлой траве расстелена газета, на ней стоит бутылка водки, гранёный стакан, скромная закуска.

Усатый брюнет-красавец держит в руках стакан, наполненный на треть. Второй усатый, но не брюнет, увидев проходившего мимо Игоря, приветственно помахал правой рукой. Брюнет отследил направление, повернувшись, подмигнул и обозначил приглашение доброжелательной демонстрацией стакана. Безусый иронично глянул на эти гостеприимные потуги и завалялся спиной на траву.

Игорь поняливо и благодарно улыбнулся, отрицательно качнул головой. Прошёл вдоль деревьев, упёрся в одноэтажное здание. У входа разговаривали двое мужчин в халатах. Неподалёку стояли три женщины в чёрных платках. «Понято». Остановился.

«Как? Как это сделать?»

«Взлетел капот впереди идущей машины, и полетели запчасти в райские кущи. Вздунулась и пыхнула, как спичечный коробок, штабная будка. Много было желающих проехаться с комфортом. И показалось, что кто-то большой — и убитый, и обгоревший, и контуженный — с болью вздохнул и ахнул. И должны были горы ответить эхом, замешанным на горькомestone не дождавшихся женщин и горестном зове не родившихся детей. Но не ответили...»

Морщится. Качает головой. «Не то. Не то. Совсем не то!».

Развернулся, тапок спал, привычно зацепил его ногой.

8

Компания не скучала.

— А ему б малость не помешало! — сказал усатый небрюнет. — Посмотрел оценивающе на содержание бутылки и продолжил: — Отходяняк. Головняк.

— У меня с неделю такой гул в голове стоял, мама не горюй, — добавил второй обладатель усов. — Что только не делал. Если б не снотворное...

— Не мудрено. Голоса слышал? — включился лежачий.

— И голоса, и ещё что-то. Не могу понять. Пытаюсь вспомнить. Что-то складное было, даже важное. Не могу вспомнить. Потом прошло. Иногда только кажется: что-то я недослышал — важное и нужное...

— И это пройдёт, — задумчиво произнёс брюнет и кивнул головой в сторону удалившегося Игоря.

— Так уж и пройдёт? — засомневался его сидящий на корточках собеседник.

— Если вернётся, пройдёт нескоро. Может, никогда. А если нет... — туманно высказался брюнет.

— На нет и суда нет, — по-своему завершил его спич лежачий пациент...

9

Игорь бесцельно шёл по асфальтовой дорожке. Жарко. Скамейки для отдыха не прельстили — лишь некоторые находились под деревьями, отбрасывающими редкую тень и конечно, были заняты. Выздоровливающие не спеша покуривали, читали газеты, книги, болтали.

Игорь присел на солнцепёке. Привалился к спинке. Закинул не без труда правую ногу на левую. Помахал правой ногой, внимательно осмотрел большой тапок. «Однако, он меня порядком достал». Осмотрелся. Волна приблизилась — вот-вот нахлынет. «Не надо: нелегко ведь... Лучше другое».

...На двери табличка «Изолятор». Открыл, зашёл. Две больничные функциональные кровати, большой медицинский шкаф, стол, два простых стула. Света стоит спиной возле окна — собиралась задёрнуть шторы. Яркий солнечный свет просвечивает халат. «Да уж...» Закрытые шторы смазали картинку. Сестра молча проходит мимо Игоря, достаёт из кармана халата ключ и закрывает дверь. Ключ остаётся в замочной скважине. Подходит. Взгляд смел, кокетлив, слегка наигран и ещё какой--то... «Какой? Незем-

ной. Звёздный. Ночной. Потусторонний. Из глубины. Из глубины чего? Последнего родника в жару! Какой ещё?..»

— Вот мы и увиделись. Ты этого хотел?

— Этого, — не в силах справиться со смущением говорит Игорь

— Ну, обними меня.

Игорь нерешительно протягивает руку, проводит пальцами по её волосам. Убирает руку.

Света расстёгивает больничную куртку и стягивает её двумя руками с его плеч. Куртка падает на пол. Игорь стоит в брюках. Живот опоясывает бинт. Сестра прикасается ладонью к правому боку.

— Болит?

— Нет.

— А болело?

Игорь удивлён, пытается вспомнить.

— Странно. Наверное, болело, — отвечает он неуверенно.

Света убирает ладонь. Смотрит Игорю в глаза:

— А почему наколок нет?

— Зачем?

— Действительно, незачем, — говорит Света. — Не понимаю я этого. —

Улыбается, оживает: — Ну, ты даёшь! Так и будешь стоять? Нравлюсь?

— Очень.

— Ты, наверное, из библиотеки, да и спортзала не вылазил? Мог бы и по подворотням пройтись...

— Бывал я и в подворотнях. Скучно там.

— Не весело. Но полезно иногда, задумчиво говорит Света и меняет тему:

— Слабый ты ещё.

— Нет, не слабый. Просто, не пойму я что-то...

— А что тут понимать. Всё мы сестры такие...

Игорь недовольно морщится и возражает:

— Я о другом.

— А я о сёстрах.

— Я такого не говорил... даже не думал, — уже с обидой возражает Игорь

— Не капризничай как ребёнок.

— Я больше не буду.

— Станный ты какой—то. Хоть бы по заднице шлёпнул.

— Ты тоже странная. Шлёпну.

И оба тихо рассмеялись.

Света обнимает Игоря, прижимается к нему:

— А сердце стучит.

Игорь замирает и задумчиво шепчет:

— Может, это рай?

Солнечный блик скользнул по комнате, просочившись сквозь неплотную штору. Сестра резко отпрянула, в глазах её добрых и родниково-сумасшедших на мгновение промелькнула тревога, зрачки сузились, взгляд стал пронзительным. Но длилось это мгновение.

— Это не рай. Это почти рай. Ложись, — сказала она тихо.

Пребывавший в растерянности Игорь оглянулся, не двинулся. Света слегка подтолкнула его. Он попятился, неловко присел, медленно лёг.

— Подвинься. Я тоже лягу.

Сестра быстро разделась и вот она рядом. Заглянула ему в глаза, игриво подмигнула и прошептала:

— Вот я и твоя. И ты сейчас задашь мне один из самых идиотских вопросов в своей жизни, — помедлила и продолжила: — Давай, не молчи.
И Игорь, не думая и, как ему показалось, не по своей воле спросил:
— Зачем тебе это нужно?
От ответа повеяло твёрдостью и холодом:
— Мне это нужно.
— Зачем?
Холод ушёл, но твёрдость осталась:
— Чтобы ты почувствовал себя живым. Я умею любить так, что оживёт даже мёртвый.
Игорь нерешительно обнял Свету, провёл ладонью по волосам:
— Я плохо помню. Всё как в тумане.
— Это контузия. Это пройдёт.
Света приподняла голову и спросила:
— Веришь?
— Верю, — неохотно произнёс Игорь и тут же добавил: — Не верю.
— И правильно делаешь. Ты недавно появился. Тебе всё кажется странным. Тебе тяжело.
Но другим и этого не досталось.
Игорь обнял девушку, прижался к ней:
— Ты, ты... Этого не может быть.
— Не может. Но могло быть, — ответила девушка. — Ты в детстве книжки читал? Океан, острова? — Опять заглянула в глаза. — Это твой остров. Это наш остров. И больше здесь никого нет. И не будет.
С улицы донёсся шум. Подъехала машина, заскрипели тормоза — остановилась. Отчётливо слышны голоса:
— Носилки!
— Ну и жара. А ребятам какво. Побыстрее можно.
— Осторожно. Не мины.
Игорь прислушивается, усмехается:
— А говоришь, никого не будет.
— Не будет. Это тебе кажется.
Игорь иронично усмехается, в его глазах рождается новое понимание. «Не может. Но могло...»
— Контузия?
— Да! — твёрдо говорит сестра.
— Как я здесь оказался?
— Тебя привезли.
— А раньше?
— Не знаю, — задумчиво ответила Светлана.
— Но Кира я помню.
— Кто это?
— Военный переводчик.
— Твой друг?
— Да.
— Потому и помнишь. И ещё вспомнишь. Времени у нас много, — с показной уверенностью говорит Светлана.
— Вряд ли.
Света смотрит с тревогой и спрашивает:
— Ты о чём?
— О времени.

Они с минуту лежали молча. И обнялись молча.

10

Воздух горячий, скамья горячая. Игорь потёр виски, обмахнул пару раз лицо ладонью.

«Ей всё было дано.

А теперь только — груз.

Вот четвёртый жених

Улетает в союз...»

Гримаса недовольствия пробежала по лицу. «Не то, опять не то».

Посмотрел в сторону высокого каменного забора. А вот и новое знакомство — к скамье подходит и садится ещё один выздоравливающий: левая щека дёргается, вид растерянный, смотрит перед собой и еле заметно шевелит губами. «Какой-то он растерянный».

Игорь сделал джентльменскую паузу и заговорил:

— Можно у вас поинтересоваться?

Растерянный растерялся ещё больше, слегка отодвинулся, но не промолчал:

— Почему ж нельзя? Теперь всё можно.

— Там, за забором, в городе, есть что-то живое? — простецки спросил Игорь.

— Живое? А зачем вам?

— Вроде, полегчало, — пояснил Игорь, — дай, думаю, прогуляюсь, посмотрю. Магазины, кино, может, какое. В самоволку, — подмигнул собеседнику. Незнакомец тоже попытался подмигнуть — не получилось. Резко встал — ну, не хочет он продолжать скользкий разговор, но приличия выдержал: — Не знаю, не знаю, что там. Но города там нет. Я не знаю, что там, но кино, магазинов точно нет, — оглянулся по сторонам и тихо добавил: — И женщин там нет. Ни молодых, ни старых.

Присел, подвинулся ближе и чуть склонился к Игорю:

— Чем тебе здесь плохо? Смотри: люди хорошие, цветы на окнах, деревья...

Игорь нагнул голову и чуть не задел лбом дёргающуюся щеку:

— Мне здесь отлично!

Растерянный приободрился и заговорил живее:

— Вот и хорошо. Зачем тебе? Здесь тебе никто ничего толком не скажет. Зато можно неплохо отдохнуть, побыть в одиночестве. — Первый раз посмотрел прямо на собеседника и, заметив в его глазах сомнение, сделал лёгкий поворот: — Если только Пикассо наш. Он тип странный. Но честный. И смелый.

Встал, распрямился и даже обозначил нечто, похожее на военную выправку. И быстро отдалился.

Игорь с лёгкой усмешкой и недоумением посмотрел ему вслед и почти крикнул вдогонку:

— А где он?

Странный больной ответил, не обернувшись:

— Кто?

— Пикассо этот?

Растерянный шёл, не оборачиваясь. Замедлил шаг и махнул рукой в сторону главного входа. «Пикассо так Пикассо».

Забавная картина. На асфальтовой площадке в красивом современном кресле-каталке сидит экстравагантный пожилой человек. На голове белая пляжная панاما. Одет в красивую цветастую лёгкую куртку. Ноги накрыты изящным цветным покрывалом. В руках — большой альбом для рисования. Подошёл со спины, заглянул. Карандаш в умелых руках делает чудеса, и в несколько секунд в левом верхнем углу рисовального листа появляется весьма небесталанный набросок портрета Игоря. «Уж если это не Пикассо, тогда...» Что «тогда», Игорь не смог обозначить.

— Нравится? — спросила харизматичная личность.

— Хорошая работа.

— Хорошая говоришь? Что ж тут хорошего? — придал беседе необычный поворот госпитальный художник.

Пришла очередь Игорю теряться, но не молчать же.

— Мне рекомендовали к вам обратиться.

Пикассо откровенно по-доброму рассмеялся и повернулся к Игорю:

— Не увлекайтесь пустыми рекомендациями. Чего вы хотите? Впрочем, не надо говорить. И так понятно. Нет там никакого города. Пустыня, песок.

Вам это надо? Интересуетесь?

— Не очень... просто посмотреть.

— И смотреть не надо. Я не настаиваю. Но не надо! — бодро заявил Пикассо и вернулся к рисованию.

Рядом с портретом Игоря появились новые штрихи, и через мгновение волею художника обратились улыбающейся Светланой. Художник работал увлечённо. Игорь ждал. Пикассо оценивающе повертел лист в руках и показал.

— Как живые! — не скрывая восторга, оценил Игорь.

— Вы так думаете? — художник смотрел сквозь нежданного гостя, словно не хотел воспринять его всерьёз, надолго, как равного.

— Всегда завидовал тем, кто умеет рисовать.

— Зависть — плохая черта. Всегда и везде, — назидательно сказал Пикассо.

Игорь согласно кивнул и высказал своё компетентное мнение:

— Здесь ещё много места.

Пикассо преобразился в мыслителя:

— Вы, молодой человек, даже не представляете, насколько его много. Но я ограничусь вашим эпизодом. Это всё, что я могу для вас сделать. И поверьте мне на слово — это немало.

Взгляд Пикассо был строг, пронзителен и снисходителен:

— Вы меня понимаете?

— Нет! — ответил Игорь.

— Вы мне верите?

— Да.

— Вот и прекрасно. Такое спонтанное понимание редко встретишь, — режюмировал Пикассо.

Игорь неопределённо боднул воздух и пошёл в сторону забора. Вслед прозвучало:

— Ну что ж ты настырный такой? Жара-то какая. Шёл бы отдохнул. Иль занялся чем. Что у тебя здесь нет дел? — ударение было сделано на слово «здесь».

Игорь остановился, задумался и ответил:

— Есть.

— Вот видишь...

Игорь вернулся к художнику.

— Здорово у вас получается...

— Верю. Но не проси, — упредил его странный художник.

— Понял. Понятливый.

Пикассо обаятельно улыбнулся и продолжил рисовать. «Что он там насчёт свободного места намекал?»

12

На газете красовалась вторая бутылка, уже початая, пустая стояла неподалёку, из горлышка торчал букетик одуванчиков. Народ слегка раскраснелся, наметилось оживление. Обсуждалась тема рукопашного боя. Усатый брюнет держал шариковую ручку прямым хватом и рассказывал очередную незатейливую байку:

— У нас в училище инструктор был. Подвинутый, точно подвинутый на ножевой. Что он нам только не показывал. И бразильский бой, и филиппинский. Здорово, даже смотреть страшно. Напорешься на такого... За секунды на куски разделявал. Условно, конечно. Ну, а насчёт ручки. Не получится. Это не в пенопласт тыкать. Выскользнет.

Делает несколько выпадов. Недовольно качает головой.

— А ты не так. Дай сюда, — говорит небрюнет, — Принимает ручку, зажимает её между пальцами с упором в тыльную часть ладони.

— Вот так! Это — другое дело.

Лежачий, только что изучавший направление и скорость ветра по движению редких облаков, подключается к столь содержательной теме:

— Так можно и ладошку пробить.

— Сдуру всё можно. А если по уму... Приблизиться к противнику, загипнотизировать его, ласково снять бронежилет и промеж рёбер, — отвечает обладатель ручки.

Всё трое смеются. Они заметили, что Игорь свернул с дорожки на траву и пошёл к ним, но никак не отреагировали.

— Звали меня, а я, дурак, не послушал, — покаянным тоном сообщил Игорь.

— Вообще-то не совсем дурак, — добродушно заметил небрюнет, положил ручку на газету, уверенно налил полстакана и протянул гостю.

Игорь присел на корточки, медленно выпил, одобрительно кивнул, молодецки передёрнул плечами, закусил кусочком хлеба.

— Ты плотнее закуси, а то сейчас поведёт, — посоветовал брюнет, испытывающее глянув на нового собутыльника. Игорь отломил кусок хлеба, положил на него пол плавленого сырка, надкусил. Осмотрелся, вытер рукавом лицо:

— Жара, а водочка хороша. Прохладная.

— А она у нас всегда прохладная, — похвалился лежачий.

Брюнет метнул в него взгляд, полный укоров, и тот виновато опустил глаза. Плеснул ещё водки и протянул:

— Вдогонку?

Игорь отрицательно мотнул головой:

— Спасибо мужики. Нахлынуло что-то...

— Как нахлынуло, так и отхлынет, — философски заметил небрюнет. — Закрепи успех.

Игорь выпил, доел бутерброд, облегчённо вздохнул:

— Спасибо. Я пойду. Поброжу. За мной должок.

— Никаких должков. Всё — по-братски. Всё нормально, — задумчиво сказал брюнет.

Лежащий привстал и добавил:

— Как и должно быть при жизни!

«Шум прошёл, теперь — ясность какая-то яркая, слишком чистая... А бывает чистая ясность?» Игорь пристально посмотрел на автора фразы, перевёл слегка недоумённый взгляд на брюнета. Тот ему одобрительно подмигнул.

Игорь встал. Ноги затекли, и его шатнуло. Взял себя в руки, выпрямился.

Усатый небрюнет неожиданно продекламировал:

«Слегка штормит.

Земля качается.

Под нами время

Неохотно прогибается».

— Это чьё? — не без удивления спросил Игорь

— Ты о чём? — уточнил чтец.

— Стихи чьи? Автор кто?

— Стихи наши. Здесь всё наше. Захотим, стихи напишем, захотим роман.

Трое нарушителей режима простецки рассмеялись.

Игорь улыбнулся, обозначил поклон, неловко повернулся и пошёл к дорожке. Путь до служебного входа был недолгим.

13

Резкий контраст яркого солнца и полумрака в коридоре ударил по глазам — стало темно. Игорь слегка надавил на глазные яблоки — видимость восстановилась. Подошёл к мертвецкой, толкнул дверь — заперто. Неожиданно выскочившая из-за угла Света заметила его движение. Она приветливо улыбнулась, но улыбка не прикрыла тревогу. Приблизилась:

— Зачем тебе? Ты кого-то ищешь? Ищешь — спроси.

Игорь стоял в растерянности и не мог ответить.

— Твоих там нет. Понимаешь — нет. Твои — там остались.

— Знаю. А вдруг? — возразил Игорь

— Вдруг бывает, но очень редко... Ты ещё не здоров. Переключись.

Света принялась, досадливо сморщилась, всплеснула руками:

— А вот этого не надо. Это легче всего. Не надо, Игорь. У тебя и так туман. Это те трое, в посадке?

— Да. Хорошие ребята. Я капельку. Что-то нашло.

— Ещё не так найдёт. Не надо. Чего тебе не хватает? Я у тебя есть.

— Ты не у меня. Ты у себя.

— И у тебя — тоже.

«Я понимаю, ты не всесильна. Сестра, спаси меня!» Игорь согласно кивает, обнимает Свету, целует. Она слабо сопротивляется:

— Ты что? Сумасшедший.

— Я хуже сумасшедшего. Я с ума сошедший.

Игорь прижимает Свету к двери мертвецкой, быстро расстёгивает ей халат на груди. Целует грудь. Она шепчет отрывисто:

— Подожди... Ты... Я... Жарко...

В двери повернулся ключ. Игорь услышал звук, но не понял, что происходит. Света сообразила и отпрянула, оглянулась. Ключ провернулся, дверь

отворилась. На фоне полумрака стоял молодой санитар в белом халате. В его глазах почему-то поселились растерянность и вызов. Парень хотел пройти, парочка явно мешала.

Игорь и Света посторонились, уступили ему дорогу. Санитар вышел, прикрыв дверь, в его руке был ключ. Игорь его мягко отстранил, открыл дверь и зашёл. Ничего не изменилось, только неприятный запах усилился. Осмотрелся внимательней, вот она рука — часов нет. Повернулся, быстро вышел.

Света, придерживая халат на груди, смотрела на него с тревожным любопытством, в глазах вопрос. А в глазах санитара — вызов. Игорь открыл доступ к двери, санитар закрыл замок, положил ключ в карман, с пониманием посмотрел на Свету и пошёл к выходу. Повернувшись вполборота, сказал:

— Сегодня задержались. Заберём позднее.

Игорь пребывал в полной растерянности. Света глянула на него:

— Ну, что ты? Работа у него такая. И судьба. «Судьба здесь причём?»

— Ты о чём? — Игорь смотрел на Свету и старался понять смысл сказанного. — Ты что имеешь в виду?

— Всё, — ответила сестра, поправила халат, застегнула одну пуговицу, посмотрела на вторую расстёгнутую.

— Застегни.

Он нехотя попытался застегнуть одной рукой. Не получилось. Призвал на помощь вторую руку — справился.

— Спасибо. Надо уметь не только расстёгивать, но и застёгивать, — назидательно сказала Света, подарила глазами букет обаятельного безумства и добавила: — Вовремя.

Чмокнула Игоря в щеку и скрылась за углом.

14

«Что-то всего много, очень много». Игорь был обескуражен. Машинально толкнул дверь мертвецкой — заперта. Медленно пошёл к выходу. Теперь обжигает мозг яркий свет. Оглянулся по сторонам, сориентировался и направился к моргу.

Здание не радует, но — надо. На скамейке курил санитар. Посмотрел на приближающегося больного, усмехнулся. В его глазах к вызову добавилась усталость. А на руке знакомые часы.

— Зачем? — с закипающим бешенством спросил Игорь.

Молодой санитар затаился, посмотрел на подошедшего, как на пустое место, вздохнул:

— Что зачем?

— Заходил зачем? — Игорь начал звереть.

— Пообщаться. И вот за этим, — ответил санитар и показал на руке часы.

Игорь резко выдохнул и постарался взять себя в руки:

— Ты что — ненормальный? У тебя что — от мертвяков голову снесло?

— Может, и ненормальный. Не каждый день общаешься с братом. С родным. В покойницкой, — чётко с расстановкой ответил парень и выбросил окурок.

Игорь замер, облегчённо вздохнул. «Ну и влип...»

— Что, легче стало? Легче? — недружелюбно спросил санитар.

Игорь согласно кивнул.

— А мне — нет.

Игорь попытался сгладить ситуацию.

— А почему не объяснил? Можно же как-то по-другому?

— Можно. Многое могло быть по-другому. И ты многое мог сделать по-другому. Но не сделал, — тихо сказал санитар. — И никто за тобой не бежит и не учит, как сделать лучше.

Игорь присел на скамью. Медбрат покосился, слегка отодвинулся, достал из кармана пачку сигарет, протянул Игорю.

— Куришь?

Игорь задумался, вопрос поставил его в затруднительное положение.

— Вроде, да, — ответил он неуверенно.

Подумал, взял из пачки сигарету. Собеседник дал прикурить. Игорь затянулся, одобрительно хмыкнул. Сделал несколько затяжек и заговорил:

— Прости, брат. Что-то я совсем плохой. И думаю только о плохом.

— Проехали, брат.

И в этот момент в альбоме на уже знакомом листке волшебной рукой госпитального художника рядом с портретами Игоря и Светланы в считанные секунды был набросан и доработан в деталях портрет молодого санитаря.

15

«Сколько ступенек в этой лестнице? Дома было двенадцать. И где он теперь этот дом?»

На лестничной площадке стоит и смотрит в упор новый знакомый, артиллерист. Игорь проходит мимо, поднимается по ступенькам, стоящая в тени фигура в больничном халате провожает его взглядом и нерешительно зовёт:

— Старшой...

Игорь останавливается, медленно поворачивается.

— Разговор есть.

— Говори, — без особого желания произносит Игорь

Пациент стоит и молчит. Игорь смотрит на него выжидающе. Нехотя спускается, подходит. Пациент прижимается спиной к стене.

— Я слушаю, — спокойно говорит Игорь.

Бог войны пребывает несколько секунд в нерешительности и наконец разряжает обстановку:

— Андрей. Капитан.

— Игорь.

— Слушай, Игорь... Ты здесь недавно. Я насчёт Светки.

Игорь напрягается:

— И что насчёт Светки?

— Ты только. Без дураков, лады?

— Без дураков. Лады.

— Светка, она вроде как девчонка разбитная, весёлая. Но на самом деле, что там у неё в душе? Понимаешь?

— Не совсем.

— Ну, не такая она. Как кажется. Простая она, добрая.

Игорь недовольно морщится, смотрит вверх на лестницу, лёгким поворотом обозначает намерение уйти, передумывает. Слегка наклоняется к пациенту:

— Не простая. Не простая она. А что такая вдруг забота?

— Не знаю. Ты осторожней, что ли. Жаль её.

— А себя тебе не жаль?

Офицер бросает на Игоря недоумённый взгляд:

— Не думал как-то.

— Подумай, — совет звучит жёстко, но не агрессивно.

Игорь наклоняется к уху Андрея и громко шепчет:

— Я не плохой мальчик. Я — хороший мальчик. Я не слепой и не глухой.

— Извини. Я только... Совет, что ли...

— Я так и понял. Спасибо за заботу. Всё?

— Всё.

Игорь поворачивается и, не скрывая на лице досады, продолжает подъём.

— Не всё, — тихо говорит артиллерист. Раздумывает и решительно добавляет: — Это я — вашу колонну.

Игорь замер. Остановился. Опять поворот, опять спуск.

— Ты?

— Да, я.

— Хорошо стреляешь.

— Научился.

— Вот и встретились.

— Лучше б не встречались.

— А зачем окликнул? Зачем Свету впутал?

— Насчёт Светки, я искренне, правда. А вот колонна, не знаю...

— Говори, раз начал.

Капитан поморщился, как от боли:

— А надо было?

— Тогда надо было.

— А сейчас... как думаешь?

— Сейчас не знаю.

— Вот и я не знаю, — вздохнул капитан.

— Сейчас не тогда, понимаешь? Сейчас — не тогда!

— Понимаю. Ты один остался. Один. И я жив. Как теперь?

— Надеюсь, не один. Вот так. Как видишь, — Игорю даже не понадобилось сдерживать эмоции — они давно уснули, а может, умерли.

В тоне артиллериста появились упрямые нотки:

— Я должен был сказать.

— Понимаю.

— Не давит?

Игорь уже решил прекратить этот пустой разговор, но неловко как-то было обрывать собеседника на полуслове:

— Давит. Ещё как. Но давит и другое. Ты знаешь, о чём я.

Капитан растерялся, намёк не был для него неожиданным, он уже смотрел затравленно.

— Позвал — говори! — твёрдо сказал Игорь

— О чём?

— О чём? — Игорь горько усмехнулся. — Я вызвал огонь на себя. С надеждой вызвал, понимаешь? С надеждой! А ты расход превысил. Подавить — это не уничтожить. Ты это прекрасно знаешь. Лупили — как по укрепрайону.

Капитан опустил глаза, прижался виском к стене:

— Ты это сразу понял?

— Сразу.

— И не доложил?

— Некогда было. И некому. Меня никто не спрашивал. И скажи мне, бог войны, о чём докладывать?

— Об этом... о расходе.

— Кому докладывать? Тому, кто дал команду? Или ты сам принял такое решение?

— Не сам.

— А что же ты, герой, на себя не берёшь?

— Я не знал. И стелиться не собираюсь. Батарея, стой! Цель, расход... И всем кранты. Ты же понимаешь.

— Понимаю. Но не хочу понимать.

— А я не понимаю, — упрямо сказал капитан.

— А тебе и не надо понимать. Тебе дали команду, ты — сделал. Что ещё?

— Получается, своих — умышленно?

— Умышленно — не всегда со злым умыслом. Бывает, что и с добрым. Лучше сдать мёртвых, чем живых.

— А зачем вообще сдавать?

— Стратеги... Гуманисты... Значит, так надо было.

Растерявшийся капитан сменил тему и повторил недавнее предложение:

— Может, по сотке?

— Нет. Мне запретили, — сказал Игорь и постучал себя ладошкой по голове.

Капитан слегка принохался:

— А мне показалось...

— Ну, принял малость. Заставили!

— И всё же. Если б ты не вызвал? — капитан упрямо добивался, если не полного, то хотя бы частичного разъяснения мучивших его вопросов.

— Была бы возможность проскочить — не вызвал бы... коню ясно. Но не проскочили бы.

— Получается, я...

— Получается. Получается, нет здесь твоей вины.

— Но мы-то здесь, а они...

— Им уже думать ни о чём не надо. Выздоровливай. Это лучшее, что сейчас можно придумать. Нет здесь твоей вины.

— А тот, кто дал команду? На уничтожение...

— И у него есть объяснение. Только вряд ли оно нас устроит. Да, и кого — нас?

— Тебя, меня...

— Мы — не в счёт.

Пикассо ловким отработанным движением слегка развернул кресло, спасаясь от прямых солнечных лучей. Удовлетворённо хмыкнул и продолжил свою работу. Мастер, он везде мастер: справа от портретов Игоря, Светланы, санитара появились лёгкие линии. Они замысловато переплелись, обозначились контуры, появилось бесформенное, но узнаваемое пятно, и буквально через секунды с альбомного листа смотрел печальным и упрямым взглядом капитан-артиллерист.

16

Игорь осторожно открыл дверь в процедурную, заглянул. Медицинские шкафы, белый кафель, столики, топчаны, подставки для систем, дурманящий и пугающий специфический запах лекарств встретили его как своего. Зашёл. Сестра приветливо кивнула:

— За вами и не уследишь — уже не лежащий. Видишь — сам пришёл. И самому, наверное, не верилось... Поправляемся. Движение — это жизнь. Что тут сказать? Действительно, движение — это жизнь, подумал Игорь и натянуто улыбнулся.

— Какую лучше? — спросила сестра, имея в виду выбор руки для капельницы.

Игорь сокрушённо сморщился, вздохнул, поиграл руками, как бы взвешивая их, и как примерный скромный ученик приподнял левую.

— Тогда сюда, — распорядилась сестра и указала на топчан.

Игорь выкарабкался из тапочек, нехотя лёг на спину. Вытянул левую руку. «Надоело. Опять — кулачком-кулачком...» Безучастно посмотрел в окно — не поменялось. «Нарисовано оно что ли?» Выполнил все команды. Наконец:

— Хватит, — сестра быстро ввела и закрепила иглу. — Отпускай.

Игорь разжал кулак. Сестра осмотрела систему, подкрутила регулятор. Ввела шприцом лекарство в пакет:

— Я — так, сразу. Так лучше. Уколы надоели?

Игорь ответил неуверенно:

— Наверное, надоели.

Сестра полистала журнал назначений:

— Так, кто там ещё. Ну, нет, чтобы вовремя... — повернулась, посмотрела поверх очков на больного:

— Помнишь, спрашивал?

— Помню.

— Он теперь тоже ходячий. Сейчас подойдёт.

— Это хорошо.

— Товарищ?

— Да, кореш.

Лёгкий стук. Дверь открылась. Зашел мужчина явно за тридцать, в больной одежде. Медсестра встретила его радушно:

— О, товарищ капитан! Нашего полку прибыло.

Вошедший натянуто улыбается и щурится, прячет глаза от света, льющегося из окна:

— Лучше бы не прибывало.

Капитан осматривает комнату, задерживает взгляд на Игоре. Он удивлён, растерян. Опять выдавливает улыбку:

— И ты?

— И я.

Медсестра с тревогой наблюдает за больными. Подходит к правой лежанке, настраивает систему. Поворачивается к капитану:

— Устраивайтесь пока.

Капитан наигранно тяжело вздыхает, ложится, закатывает рукав на правой руке. Повторяются команды, больной послушно всё исполняет, медсестра действует уверенно, по-хозяйски осматривает комнату, смотрит на часы:

— Ну, мальчики, не скучайте, — выходит из процедурной.

Капитан с тревогой смотрит на Игора:

— Вот и свиделись. Я рад, что ты... Что тебе лучше.

— Я за тебя тоже рад. Здоровья.

Капитан сосредотачивается, его взгляд становится жёстким, испытывающим:

— Хотя и обстановка не очень, а поговорить, как я понимаю, придётся.

— Как пожелаете.

— Желаю.

Игорь поправил иглу на руке и слегка повернулся к собеседнику:

— Я вашу кухню плохо знаю. Нам сказали — мы пошли. Но ты же маршрут не из пальца высосал?

— Резко ты, с места. Не упрощай. Меня и так... и особисты и прокуратура крутили.

Маршрут — дело серьёзное. Разведка могла проглядеть, летуны на маскировке лажанулись. Может, они выдвинулись так быстро, что ничего ни заметить, ни отменить уже нельзя было. Но не упрощай, понял? Не упрощай! Мы к таким передвижениям всегда грушников подключаем. Не было информации. И от них ничего не было. Понимаешь, не было. Всё чисто. Весь комплекс мероприятий выполнен. И прямых и сопутствующих. Нет здесь ни небрежности, ни подставы.

— Получается — не повезло? Но ведь так не бывает, ты же знаешь. Нас расстреливали как в тире. Без пристрелки, наверняка. Это была засада. Заблаговременная! Понимаешь?

Зачем я тебе это говорю? Ты же всё понимаешь, да? — Игорь вонзает взгляд в белый потолок, показавшийся вдруг очень высоким, настолько высоким, что, если взлететь, можно было успеть разогнаться, пробить его и улететь к чёртовой матери — как можно дальше от этого разговора. Но он продолжает: — Мне можно сказать? Мне одному. Хотя бы намекнуть! Капитан молчит, обдумывает, прикидывает, с сомнением посматривает разгорячившегося собеседника. Игорь готов замолчать, но не молчит:

— Сдать надо было? Да? Стратеги. Ты мне можешь ничего не говорить. Возможно, ничего и не знаешь. Но ты же понимаешь, чувствуешь. У тебя голова есть на плечах? А я знаю, что есть. Есть. Потому... — Игорь обрывает фразу, поняв, что говорит лишнее.

— ...Потому в капитанах и хожу. Не стесняйся — не обидел. А голова — была. Давно, понял? И не кипятись. Я не ангел. Но и не дьявол. Доложу тебе, что я вашу кухню тоже не знаю. И потому скажи: надо было огонь вызывать? Надо было? Ты уверен, что надо было? Вертушки быстро прибыли. Быстро. Но уже после мясорубки.

Игорь теряется. Затравленно смотрит по сторонам:

— Надо было. Они нас резать пошли. Но это следствие, понимаешь следствие. Этого не должно было случиться. Я чувствовал, не хотел...

Капитан тянется к регулятору капельницы, слегка его подкручивает:

— Не хотел? А не рано нехотелка выросла? Вот что я тебе посоветую. Подоброму. Не умничай: причина, следствие... Всё случилось так, как случилось. Я от тебя ничего не утаил. Я сделал всё. Как положено. Ты сделал... Не знаю. Предвидел, чувствовал — это всё не то. Понимаешь? Это всё потом, потом, так часто бывает.

— И у меня потом?

— И у тебя. Не ты первый. Тебе виноватые нужны? — спросил старый капитан и снисходительно, не скрывая пренебрежения посмотрел на старея. Подождал и повторил вопрос: — Нужны? Если нужны, вали всё на меня. Только легче не станет.

— Не станет.

— Зачем тогда огород городить? — капитан поморщился, толкнул пару раз подушку затылком, задумался и допустил откровение: — Мне пушкари го-

ворили... Что-то насчёт целеуказания. Короче, накрыли вас как врагов. Переборщили.

— Так оно и есть.

— А почему — не задумывался?

— Ошибка?

— Ты что, парень? Если бы ошибка, то не одного б уже под белые ручки. Не ошибка здесь.

Капитан глянул на капельницу, опять подкрутил регулятор:

— Надоело, быстрее бы. Раз так — под капельницей, чуть не уссался...

— Знакомое дело.

— Ты, парень подумай, насчёт груза.

— Вы о чём? — Игорь почему-то перешёл на вы.

— Сдаётся мне, что везли вы что-то. И это что-то, ну, никак нельзя было отдавать.

Игорь закрывает глаза, замирает, выдыхает воздух, пытается вспомнить.

— Туман. Не помню.

— Оклемаешься — вспомнишь. Только не надо каждому встречному... Для себя уяснил и — молчок. Понял?

— Понял, спасибо.

— За что спасибо?

— За разговор.

«А будут они — встречные?»

Пикассо всё ещё не покинул рабочее место. Он смотрел сухими бездонной глубины глазами в никуда, но, казалось, видел и слышал всё. Он уже прервал молчание и насвистывал незамысловатую мелодию, при этом сам себе дирижировал карандашом. Время от времени он отвлекался от музыкальной части и наносил на картину небрежным движением новые чёткие штрихи. Сначала они выглядели хаотично, затем изначальный хаос растворялся в белизне бумаги и уступал место тщательно прорисованным деталям нового феерического шедевра. На листе ещё было много свободного места, и появление там портрета старого капитана не завершило известную только автору композицию. Капитан смотрел с грустной хитрецей и оптимистической безнадёжностью. Как это удалось автору, сказать, конечно, сложно, но и судьбе этого офицера, наверное, было нелегко добиться такого необычного характерного сочетания.

17

Игорь с нетерпением рассматривал металлическую решётку, невольно заостряя внимание на здоровенном висячем замке. «Решётка — понятно, но вот амбарный замок... не вяжется». Собрался слегка постучать висевшей железякой по решётке, но не решился. Помялся, осмотрелся и увидел копку звонка. Быстро несильно нажал. Не понял, пошёл сигнал или нет. Хотел надавить ещё раз, но деревянная дверь открылась, из отделения вышел и приветливо кивнул уже знакомый медбрат. Заговорщически подмигнул и отапортовал:

— Я с Терезой поговорил. Можно. Но осторожно. Вас двоих она не отпустит. Она — тоже. Иначе никак.

Пожал плечами, развёл руками, обозначив: всё возможное и невозможное сделано, большее неподвластно никому.

— Ну, уж тут... — Андрей тоже изобразил руками бесконечность окружающих непреодолимых обстоятельств и спросил: — А Тереза, как её звать хоть?

— Мы её Терезой величаем. А вообще-то тётя Клава.

— Не молодая, значит, — глубокомысленно заключил Игорь.

Медбрат иронично улыбнулся:

— Не молодая. В матери годится. А кому и матерью стала... Пойду уточню. Игорь кивнул. Солдат исчез, дверь захлопнулась.

«Там, в круге третьем, прятались от духов, искали свои отрубленные руки и выколотые глаза, вызволяли, спасали и отхаживали друзей, называли санитарку мамой, превращались в генералов и маршалов, вызывали огонь на себя и требовали мочить всех подряд. Вход в круг третий закрывала металллическая решётка...»

«Не то, не то... опять» Игорь вцепился в решётку и вжался головой между прутьями. Подходит, подходит волна родная, уже захватила, пленила и повела.

...Город красочный, но неприветливый, все равно неприветливый. Дома, магазины, пёстрые вывески, язык вывесок не понятен — не буквы, а подобие иероглифов, накарябанных кривой рукой. Опять фонтан. Опять стоит девочка и ест мороженое. Ест безучастно как-то. словно плохо играет плохую роль. Она шевелит губами. Говорит? Ничего не слышно. Улыбается, протягивает мороженое и смотрит... взрослыми глазами. Беззвучно смеётся и отбегает в сторону.

Они там — на той стороне... фонтана... Или реки? Стоят в беспорядке, в сборной форме, без оружия. Смотрят перед собой и молчат. Игорь подходит и упирается руками в кромку фонтана. Девочка смотрит на него со стороны с обидой и удивлением, взрослой обидой и взрослым удивлением. Он наклоняется, черпает ладонями воду и поливает на голову, на лицо. Взрослая девочка кричит, он не слышит и через мгновение осознает, что не может ее больше видеть. Опускает голову в прохладную воду и очень надеется — сейчас все уйдет.

Ушло, но не все. Девочки уже нет. Солдаты — там же, не шевелятся. Рождается и живет уверенность — они видят всё, но молчат. Игорь наклоняется, ещё зачерпывает воды. Держит её мгновенье в ладонях и выпускает в фонтан. Вода густая, льётся медленно, липкими струями. И вот он добрый и мрачный черный спутник. Пес подходит со спины и садится: пусть только тронут, глотку — любому... Откуда же ты друг взялся? Видел я тебя раньше и не раз, и не только у этого фонтана. Но тогда ты был далеко, и не понятно было, чей ты друг. Теперь понятно — не друг ты вовсе: спутник, провожатый, попутчик... Игорь смотрит на воду — она неподвижна, слишком неподвижна, и отраженья нет...

Дверь открылась медленно. На площадку вышел Кир. Повязки уже сняли — лицо обожжено, голова забинтована и не понятно, где рана или травма, правая рука на перевязи, кисть густо забинтована, и размер белого бесформенного комка кричит: кисть там — была. На щеках — щетина. Под левую руку его слегка поддерживает пожилая полная медсестра — тётя Клава.

Не сидится спокойно в кресле-каталке художнику. Пикассо почесал тыльной стороной карандаша лоб, устроился на своём троне поудобней и быстро добавил на полотно сестру Тётю Клаву. Она не видела и не могла видеть портрет, и, возможно, осудила бы художника за настойчивый реа-

лизм. Но Пикассо не собирался кому-либо угождать и уж тем более работать на заказ. Он сделал так, как посчитал нужным, и получилась Тётя Клава доброй, твёрдой, непоколебимой и сговорчивой. Так в жизни не бывает. У Пикассо бывает.

18

Тётя Клава оценивающе посмотрела на Игоря и удовлетворённо кивнула. Кир лихорадочно шарил глазами по лестничной площадке и наконец сфокусировался на Игоре. Волшебным образом его взгляд стал осмысленным. — Игорек... — сказал он и замолчал.

Тётя Клава не скрывала беспокойства и строго посматривала и на того, и на другого.

— Друг? — спросила она, обращаясь к Игорю.

Он утвердительно кивнул. «Она же знает, что друг...»

Тётя Клава на мгновенье замерла в нерешительности, затем достала из кармана халата ключ, открыла висячий замок. Из двери выглянул медбрат, подмигнул Игорю, показал глазами на мать Терезу и выставил с искренним восторгом большой палец.

Тётя Клава сняла висячий замок, открыла решётчатую дверь, вышла, протянула правую руку Киру. Друг Игоря машинально попытался протянуть ей навстречу свою правую руку, сообразил, что не получится, скривился и выбросил вперёд левую руку. Держаться было неловко, случилась небольшая заминка, Тётя Клава ловко сдвинулась в сторону и подвела Кира к Игорю. Они обнялись.

— Помогите ему спуститься. Можете прогуляться. Я буду рядом, — сказала сестра и через секунду добавила: — Не помешаю.

Игорь и Кир подошли к свободной скамье. Тётя Клава держалась невдалеке.

— Вот мы и прибыли, — банально отрапортовал Игорь.

— Ты уверен? — спросил Кир.

Игорь промолчал.

Присели. Тётя Клава разместились на соседней скамье, достала из кармана свёрнутый листок бумаги, развернула и стала его внимательно разглядывать.

— Кир, я тебя искал. Я рад, старина, — сказал Игорь.

— Я тоже рад. Вот видишь... как.

Кир слегка приподнял больную руку, показывая её Игорю, повёл из стороны в сторону головой:

— У нас даже зеркало есть. Я видел. Мне разрешили...

— Терпимо, — ободрил Игорь

Кир задумался, пальцы левой руки ощупывали воздух, глаза заморгали.

— Ну, а ты как? Я знаю. Крепко вас накрыли.

— Неслабо.

— Ты видишь, какой я. Теперь, наверное, всё спишется... Я рад, что ты здесь. Но... но я не помню, не помню, как здесь оказался. И раньше плохо помню. — Кир окинул взглядом двор, деревья, забор, здание госпиталя и спросил: — А здесь река или озеро есть?

— Не знаю. Говорят, нет. Ничего нет.

— А я надеялся. Так надеялся... Всё правильно, так и должно быть. Ничего.

— Почему так и должно быть?

— Не знаю. Первая мысль, первое впечатление. Я понял, что попал. И хорошо попал. А реку я люблю — с деревцами. И озеро — с кувшинками. Это когда родники...

— Брось, дружище. Ещё многое будет, многое.

— Многое? Ладно, не будем. Я рад, что ты рядом. Я где-то зависаю, смотрю со стороны, а то и вообще сверху, с облаков. Потом опять возвращаюсь. Потом опять. Однажды я не вернусь. И никто не будет нужен: ни ты, ни Тётя Клава. Четыре стены, да решётка.

Поэтому я сейчас скажу.

Игорь усомнился, надо ли продолжать разговор, покосился на тётю Клаву, неуверенно посмотрел на Кира.

— А надо ли? — спросил.

— Надо. Я знал, что вас... Что вас... встретят. И не я один.

Игорь усмехнулся, оценивающе оглядел Кира:

— И, конечно, сделать было ничего нельзя.

— Можно было. Можно было. Но нельзя. Сделать — значит провалить источник. Наш источник. Возможно, это была проверка.

— Со мной можно проще, дружище. Ты же знаешь.

— Информация о засаде поступила. Поступила без подтверждения. Источник верный и ценный, я уже сказал. Встал вопрос: или колонна или источник.

— Выбрали колонну.

— Да.

— Я бы выпил за надёжность источника.

— Не надо. Он оказался ненадёжным. Сдал группу. И меня с группой.

— И такое бывает?

— И такое, и всякое.

— А зачем на уничтожение?

— Это уже другая контора. Вы ящик везли. Непримечательный. Сумма — от нолей голова заболит.

— И что — из-за ящичка? Наркота? Мало этого добра что ли?

— Дело не в добре этом. Если бы они этот ящичек взяли, то вопрос бы завис, и надолго. Уж не знаю, выкуп там был или подкуп.

— А если бы проскочили?

— Не могли вы проскочить. Так всё сложилось. Принимающая сторона убедилась в отправке груза. Но он не должен был быть доставленным по назначению.

Игорь оглянулся на тётю Клаву — она одобрительно кивнула.

— Меня садануло здорово, — тихо сказал Кир, переходя на шёпот. — Плохо помню. Говорят, на мне был только ремень, да кроссовки. Аэрозоль что ли? Откуда у них... Ухо, пальцы. Зачем? Кто?

Игорь уже с опаской глянул сестру. Она старательно делала вид, что ничего не слышит.

— Ничего, Кир, говори, говори...

— Шайтан, наверное, — Кир перешёл на явный шёпот. Я его видел, — и затем без перехода: — Дай мне сигарету.

Игорь неуверенно пошарил по карманам, достал пачку сигарет, не без удивления на неё посмотрел, неуклюже выбил сигарету, протянул Киру. Попытка затянуться незажженной сигаретой не увенчалась успехом. Игорь дал прикурить от спички. Кир глубоко вдохнул дым, слегка закашлялся,

виновато оглядываясь по сторонам. Игорь покрутил в руках пачку сигарет, спички и положил набор в карман друга. Кир заметил и безучастно кивнул.

— Не жарко? — спросил Игорь

— Я его видел, — продолжил Кир, не желая менять тему.

— Может, пересядем? — предложил Игорь

Кир отрицательно покачал головой, болезненно сморщился:

— Я его видел. Там из-за камня... глыбы, огромной, темной и каким-то мхом или плесенью покрытой, выскочили маленькие красные человечки. А за ними шайтан. Халат у него блестящий, как из металла... из ртути. Я себя в нём увидел — как в зеркале. Он на меня так посмотрел...

— Ты лежал или стоял? — спросил Игорь.

— Не помню. По-моему лежал, — ответил Кир, внимательно рассматривая дымящуюся сигарету: — Я всё время думаю, какое он имел право так смотреть на меня. Так презрительно. Не зло. Презрительно. И откуда они взялись? Эти человечки? Этот шайтан?

Как там Тётя Клава? Осторожный взгляд — пока терпимо. Она слегка развела руками — что тут поделаешь?

Похоже, и на Кира нахлынуло. Он смотрел в пустоту, шевелил губами, водил пальцами левой руки по забинтованной правой и говорил скорее сам с собой, чем с собеседником:

— Игореша, ты не волнуйся. Филолог, служащий в спецназе, это тяжёлая смесь. Можно говорить, можно не говорить. В таких случаях, как мой, советуют много говорить. Мол, выскажется... снимет, сбросит... что там еще... Игорь попытался ободрить друга улыбкой, получилось плохо. Кир попытался улыбнуться, и тоже получилось плохо. Он продолжил:

— Мне взгляд этот... Какой-то он злой и унижительный. Я таких глаз никогда не видел. Откуда он, этот шайтан? Может, они из параллельного мира? И если он, этот мир, есть, то он страшнее нашего?

— Кир, всё образуется.

— Верю, верю тебе. Игорь, а может, это наше будущее — ужасное и непредсказуемое?

Игорь не знал, что ответить, и помочь некому. «Некому нам с тобой, дружище, помочь — некому!» Тётя Клава никак не реагировала на его мысленные обращения, сидела, не шевелясь, и даже не вытерла скатившуюся по сухой щеке слезу.

— Будущее — это прошлое, помноженное на настоящее. Мы с тобой об этом как-то говорили, — попытался поддержать беседу Игорь.

Кир опять наклонился к нему и перешёл на громкий шёпот:

— А как ты помножишь на настоящее древний кодекс.

— Какой кодекс?

— Ещё в древности было сказано... Запрещается злоупотреблять колдовством в достижении развратных целей, проводить жизнь в похабстве и охоте, отплясывать с утра и до утра во дворцах... — Кир замолчал.

Игорь смотрел в лицо другу и выражал как мог готовность выслушать продолжение, но продолжение не последовало:

— А у нас кодекса нет. И пляшем мы с утра и до утра. И во дворцах. И в хижинах... — скривился от боли: — Голова болит. Достань мне спирта или папироску...

— Попробую... Может, прогуляемся?

— Я как-то прочитал. Не помню, где: под каждой могильной плитой спит всемирная история... Может, так оно и есть. Но что же тогда спит в головах и душах живущих? И просыпается, когда уже ничего не изменишь?

— Не знаю. Сколько людей, столько же душ. Идём?

Кир безразлично кивнул. И опять взгляд в сторону сестры:

— Мы прогуляемся? По двору.

— По двору — да, недолго.

19

Друзья встали. Игорь поддерживал Кира за локоть. Тётя Клава свернула свой листок, положила в карман и последовала за ними.

Пикассо — на своём месте и за своим привычным занятием. Игорь и Кир приблизились к нему, и он их встретил приветливым взглядом. Игорь прикидывал, с чего начать разговор, и в этот момент из центрального входа вышла Света, увидела его и направилась в сторону художника. Игорь растерялся, оглянулся на тётю Клаву, показал рукой на Кира и предупредил:

— Я на секунду.

Тётя Клава ускорила шаг, подошла и взяла Кира под локоть. Игорь двинулся навстречу Светлане. Она расстроена. Игорь хотел положить ей руку на плечо, но она остановила его взглядом и тихо сказала:

— Тебе пора собираться.

— Что, документы пришли?

— Какие документы? — не без заметного удивления спросила Света, спохватилась и ответила: — Да, пришли документы. И время пришло.

— Быстро...

— Да, быстро. И медлить нельзя.

— Совсем?

— Да, совсем.

— А как же всё это? — Игорь неопределённо окинул взглядом окружающее пространство.

— Это? Это твой остров.

— Понял. Остров, значит остров.

Света приближается к Игорю и прижалась к нему всем телом. Она смотрела на него из глубины родника, молча, звала в прохладу и прозрачность, просила прощения и прощалась.

— Ты не понимаешь, кто я тебе? — тихо сказала Светлана. — Ни жена, ни любовница, ни сиделка... Считай, что сестра. Всё мы здесь братья и сестры.

— Странно... сестра, братья. Пусть будет так. А жаль.

— И мне жаль.

— А может...

— Что может?

— Банально, но фото... На память.

— Фото не получится.

— Как не получится?

— Не получится. Пусто там будет.

— Где?

— На фото.

— Но ведь мы — есть!

— Да, мы есть, — дерзко и звонко ответила Света и подошла к Пикассо.

Художник изобразил карандашом в воздухе сложную фигуру, напоминающую скрипичный ключ, приветливо кивнул.

Пока Света улыбалась в ответ, на обычном альбомном листке с помощью обычного карандаша появился портрет Кира — без бинтов, ожогов и пустого безнадёжного взгляда. Ведь когда-то он был другим? Тот другой и смотрел с группового портрета.

— Пикассо всё может. Он волшебник, — сказала Света.

— Групповой портрет? — спросил Игорь.

— Он всё может. И портрет, — ответила Света.

— А Кира сможет? — уточнил Игорь и, дабы придать своим словам предметность, показал рукой на друга.

Света утвердительно кивнула. Игорь видел и её тревогу, и её боль, и прощальную потусторонность, но никак не отреагировал на эти превращения, напротив, повеселел, оживился и призвал:

— Ну, тогда вперёд!

— Наш мастер всё может! — поддерживая и подбадривая его, громко сказала Света и оглянулась на вход госпиталя.

Дверь отворилась, и вышли молодой санитар, потерявший брата, и тот, кто был, а может, и остался, богом войны. Света призывно помахала им рукой.

Показала рукой на Пикассо. Объяснений и указаний не потребовалось.

Вся группа, готовых позировать братьев и сестёр, беспорядочно выстроилась перед художником на траве, за бордюром. Подскочил слегка запыхавшийся старый капитан и заботливо повернул кресло художника для более удачного, как ему казалось, ракурса.

Пикассо не возразил и разъяснил: «Я времени не терял, хотя время, оно... Вместе — так вместе. Мне ещё не приходилось следовать таким необычным пожеланиям, но этому странному человеку и ... — он не смог подобрать слова и замолчал. Собравшиеся замерли в ожидании, и их надежды оправдались — художник умело выстроил продолжение, — и его феерической спутнице я отказать не могу».

Радужный капитал присел на бордюр, покрутил головой и недовольный сложившейся дислокацией изрёк: «Непорядок!» Вскочил, быстро и ловко расставил фигурантов группового портрета под снисходительным взглядом Пикассо.

На огромном жизненном холсте появились новые линии, новые акценты и новые оттенки, объединяющие тех, кого, казалось, объединить невозможно.

Стало легче, и появилась безумная уверенность и вера. Впервые подул ветер — пока слабый и нежный. «Феерическая спутница... Художник, он и здесь... художник — выкрутился!» Игорь обнимает Свету, гонит всё, что могло бы омрачить кроткие, не имеющие продолжения, но искренние слова, и шепчет на ушко:

— Я останусь здесь. Или заберу тебя с собой.

Света принимает его игру, одобрительно кивает, ласково улыбается и тоже шепчет:

— Здесь ты не останешься. И забирать меня не надо. Я твоя. Навсегда. Где бы ты ни был.

Она тревожно смотрит на Пикассо, художник ловит её взгляд и ускоряет работу. Мгновенья — и портрет завершён.

Потянуло родниковой прохладой. Игорь ощутил явную слабость в ногах, пальцы на руках онемели и стали чужими, вздрогнуло и заиграло неровным набатом сердце, навалилась всеобъемлющая усталость. Ветер усилился, и зашелестела тополиная листва. Света поправила разбросанные воло-

сы и с вызовом посмотрела на неменяющееся небо. Её губы шевельнулись, и Игорь не понял, то ли она собралась что-то сказать, то ли сказала. Он отделился от группы, подошёл со спины к Пикассо и заглянул через плечо. Лист художника вместил всех и разместил всех. Он занял всё обозримое пространство и стал его единственным содержанием. Затем дрогнул, колыхнулся и стал удаляться. Групповой портрет медленно уплывал, и его заслонила спина художника. Затем и Пикассо двинулся вниз и вдаль, и сверху стали видны и братья, и сестры, и художник, и госпиталь, и тротуары, и скамейки, и забор. Через мгновение всё слились в малую картинку единой обители, а вокруг — голая безжизненная пустыня.

20

— Командир, вот ещё один!

Ноги в армейских ботинках изменили направление движения.

На спине в растерзанной форме лежал Игорь. Открытые глаза ясно, честно, без вопросов смотрели в небо. К шее протянулась рука, пальцы проверили сонную артерию, нервно шевельнулись и закрыли глаза.

— Отвоевался парень. О чём он думал?

— Это только ему известно. Она, сука, всех забирает.

— Подумать только — никого.

— Думать потом будем.

— Будем ли?

— Ты о чём?

— Думать будем... А будем?

На каменистую почву упал дымящийся окурок, ботинок его тщательно растёр, и прозвучал уставший ответ:

— Ты меня лучше о чём-нибудь другом спроси. А лучше — не спрашивай.

Луганск, 2014 год